

Дворец Разумовских

Это самое красивое здание на Тверской.

Его открыла нам Октябрьская революция. До того времени ряд магазинов скрывал удивительный фасад дворца восемнадцатого века. Октябрь смел эти пристройки, выросшие в первом десятилетии настоящего века, и перед глазами, на зеленом фоне сквера летом и на белоснежном зимой—розовый дворец с белыми стройными колоннами, с лепными работами. На фронте сверкает белый герб республики, сменивший золоченый графский герб Разумовских. В этом дворце—Музей Революции. В нем для всякого возможно теперь по эпохам проследить победное шествие великой русской революции, от декабристов до Ленина.

* * *

И, как введение в историю великой революции, как кровавый отблеск зарницы, сверкнувшей из глубины грозных веков, встречаются входящих в Музей на площадке роскошного вестибюля фигуры Степана

Разина и его ватаги—скульптора Коненкова. А как раз над ним—полотно художника Горелова.

«Это с Дона челны налетели,
Взволновали простор голубой,
То Степан удалую ватагу
На добычу ведет за собой»...

Это первый выплыв Степана «вдоль по матушке по Волге». А вот и конец его: огромная картина Пчелина «Казнь Стеньки Разина»: Москва, площадь, полная народа — бояре, стрельцы... палач... И он сам на помосте, с грозно поднятой рукой, прощается с бурной бунтарской жизнью и вещает грядущее:

„С падением головы удалой
Всему, ты думаешь, конец—
Из каждой капли крови алой
Отважный вырастет боец“—

предсказывает грядущее Разин, и рука его, цепью гремящая, указывает вверх...

Поднимаешься на пролет лестницы—и дверь в Музей, в первую комнату, бывшую прихожую. Теперь ее название „Пугачевщина“—слово, впервые упомянутое в печати Пушкиным. А дальше за этой комнатой уже самый Музей с большим бюстом первого русского революционера—Радищева.

Разин и пугачевщина — это кровавые отблески прошлого. Но Пугачевская комната переносит меня в более близкие времена, когда здесь была прихожая чопорного Английского Клуба. А теперь здесь, железная клетка, узкая, решетчатая клетка Пугачева.

* * *

На том почти самом месте, где теперь клетка, 90 лет тому назад стоял сконфуженный автор „Истории Пугачевского бунта“,—великий Пушкин.

Близ того места, где сейчас висят цепи Пугачева, которыми он был прикован к стене тюрьмы, тогда висела таблица, на которой стояли фамилии членов клуба, которым вход воспрещался впредь до уплаты долгов. Комната эта поэтому в шутку звалась „лифостротон“.

И рисует воображение дальнейшую картину: вышел печальный и мрачный поэт из клуба, пошел домой, к Никитским воротам, в дом Гончаровых, пошел по Тверской, к Страстной площади. Остановился на Тверском бульваре, на том месте, где стоит в наши дни его памятник, остановился в той же самой позе, снял шляпу с разгоряченной головы...
Лето... Пусто в Москве... Все раз'ехались по усадьбам... Пусто в его квартире... Некуда идти... И видит он клуб, „львы на воротах“, а за ними ярко освещенные залы, мягкие ковры, вино, карты... и его любимая „говорильня“. Эта уютная комната... Длинные во всю стену мягкие диваны-„самосоны“, кресла, принимающие форму опустившегося тела и нежно охватывающие его, передвижные столики для кофе и ликеров, и отдых, иногда за пламенным разговором и горячим спором..., голубые волны дыма от длиннейших трубок с Жуковским табаком. А там:

„Чета московских краснобаев

Михаил Федорович Орлов

И Петар Яковлич Чадаев

Витийствуют средь пошляков“.

Там его друзья — Чаадаев, Нащокин, Раевский... И пошел одиноко поэт по бульвару... а вернувшись в свою пустую комнату пишет А. С. 27 августа 1833 г. письмо жене: „Скажи Вяземскому, что умер тезка его, князь Петр Долгоруков, получив какое-то наследство и не успев промотать его в Английском клубе, о чем здешнее общество весьма жалеет. В клубе не был, чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет, надобно будет заплатить штраф 300 руб., а я бы весь Английский клуб готов продать за 200 рублей“.

Уже впоследствии Пугачев помог ему расплатиться с клубом, и он снова начал посещать его.

В письме к П. В. Нащокину А. С. Пушкин 20 января 1835 г. пишет: „Пугачев сделался добрым, исправным плательщиком оброка, Емелька Пугачев мой оброчный мужик... Денег он мне принес довольно, но как около двух лет жил я в долг, то ничего и не осталось у меня за пазухой, и все идет на расплату“.

* * *

И Пушкин и Грибоедов хорошо знали клуб. В „Горе от ума“ грибоедовская „Москва“ и многие типы его — члены Английского клуба. Как-то я нашел в извлечениях из „Журналов старшин клуба“, где записывались только обстоятельства, почему-либо „достопамятные“, следующее: „1815 г., предложенный от члена Сибилева из кандидатов в члены г-н Чатский по баллотированию не избран, вновь перебаллотирован и тоже не избран“.

Забаллотировали в Английский клуб — это событие: о нем говорила вся барская Москва. Кто такой Чатский — и почему он не избран? Но хочется предположить, что есть что-то общее с „Горе от ума“. По крайней мере, фамилия Чатский — это Чацкий. И является вопрос — за что могли не избрать в члены клуба кандидата, т.е. лицо уже бывшее в клубе около года до баллотировки из кандидатов в члены? Вернее всего, что за неподходящие к тому времени взгляды, которые высказывались г. Чатским в „говорильне“.

Те речи, те взгляды, монологи, которые мы читаем в „Горе от ума“, конечно, при свободе слова в „говорильне“ могли им произноситься, как кандидатом в члены, но при баллотировке в действительные члены его выбрать уже никак не могли и рады были избавиться от такого „якобинца“. „Фамусовы“, конечно, „Чацкого“ не выберут. Это мои предположения, но я глубоко уверен, что Чатский, забаллотированный в 1815 году, и Чацкий Грибоедова, окончившего пьесу в 1822 году, несомненно имеют общее. Во всяком случае писатель вспомнил почему-то такую редкую фамилию.

* * *

„Народных заседаний проба в палатах Аглицкого клуба“. Может быть, Пушкин намекает на политические прения Английской палаты лордов. Слишком близок ему был его друг П. Я. Чаадаев, проводивший ежедневно вечера в Английском клубе, холостяк, не игравший в карты, а собиравший около себя в „гово-

рильне кружок людей, смело обсуждавших тогда политику и внутренние дела. Некоторые черты Чаадаева Пушкин придал своему Онегину в описании его холостой жизни и обстановки...

С члена клуба Толстого-Американца Пушкин писал Зарецкого.

Герцен, в „Былое и думы“ упоминая Английский клуб, описывал кабинет Чаадаева и упоминает при этом того же Толстого.

* * *

— „Он возвратился и попал, как Чацкий, с корабля на бал“... И здесь, и у Пушкина, опять Чацкий... Кто же такой был Чатский? А ведь он, несомненно, был и сверкал в „палатах Английского клуба“... Был ли это предшественник Чаадаева, но во всяком случае „Чатский“ был, и о нем говорила „грибоедовская Москва“, как о забаллотированном кандидате клуба. Во всей истории клуба было забаллотировано из кандидатов только два, за сто лет его существования.

А Чатский был забаллотирован.

* * *

Сейчас, перечитывая бессмертную комедию, я еще раз утверждаюсь, что Чатский есть Чацкий.

Разве Фамусов, «Аглицкого клуба верный сын до гроба» — а там почти все члены были Фамусовы — потерпел бы такого якобинца в своей среде? А как забаллотировать? Да пустить слух, что он... сумасшедший!..

А весь монолог Репетилова разве это не портреты членов Английского Клуба.

Чацкий. В клубе.

Репетилов. В Английском.

У нас есть общество и тайные собрания.

По четвергам Секретнейший Союз!...

...Шумим, братец, шумим!

* * *

Конечно, и Чаадаев, о котором в связи с Английским клубом вспоминает и Герцен в «Былое и думы», был бельмом на глазу — исключить его было не за что, хотя он тоже за свои сочинения был объявлен сумасшедшим — но это окончилось благополучно; и Чаадаев неизменно, от юности до своей смерти 14 апреля 1856 года, был членом клуба, и, по преданьям, читал в «говорильне» Лермонтовское стихотворение на смерть Пушкина. Читал — а его слушали:

— Ничтожные потомки

Известной подлостью прославленных отцов...

В своих письмах Чаадаев два раза упоминает Английский клуб: 1) В письме к А. С. Пушкину в 1831 году:.. «я бываю иногда — угадайте где? В Английском Клубе! Вы мне говорили, что вам пришлось бывать там: а я бы рад вас встречать там, в этом прекрасном помещении, среди этих греческих колонн, в тени прекрасных деревьев»...

Потом, уже перед концом своей жизни, Чаадаев, видимо, нуждаясь в деньгах, пишет своей кузине Щербатовой: «к довершению всего теперь кредит

в клубе ограничен 50-ю рублями, каковая сумма вашим кузеном уже давно исчерпана»...

За два дня до своей смерти Чаадаев был еще в Английском клубе и радовался окончанию войны *). В те времена в «говорильне» смело обсуждались политические вопросы, говорили и о войне и даже о крепостничестве.

И даже сам Николай I чутко и жутко прислушивался к этим митингам в говорильне и в важные политические моменты не без тревоги спрашивал приближенных:

— А что об этом говорят в Москве, в Английском Клубе?

Здесь в самые страшные Николаевские времена говорили беспрепятственно даже о декабристах. В том же «Журнале Старшин» 1826 г. сентября 24 записано: «офисиянт клуба Алексей Герасимов Соколов, пришед по утру убирать комнату, нашел на столе запечатанное письмо с надписью «Ивану Петровичу Бибикову, полковнику жандармов, прошу старшин вручить ему». Старшины по представлению им письма положили, пригласив г-на Бибикова, в присутствии его то письмо сжечь, а буде Бибиков из'явит желание получить его, как по подписи ему принадлежащее, в таком случае предоставить ему оное взять, которое однакож Бибиков не принял, а письмо в общем присутствии старшин было сожжено»...

*) Севастопольской — 1854 — 56 г.г.

Но в то время, когда либералы того времени читали запрещенные стихи и громили в «говорильне» действие правительства и жизнь крепостного права, за стеной, в соседней комнате, которая называлась «Инфернальная», шли неслыханные игры. Во времена крепостного права, в этой, поистине, «адской» комнате, благодаря одной карте, да что карте, благодаря одному очку, переходили в минуту из одних рук в другие сотни семейств крепостных крестьян, жена отделялась от мужа, дети от родителей, проигрывались имения, даже коляска и лошади, — дожидавшиеся своего барина на клубном дворе — и барин уходил домой пешком... И ужас в том, что играли разгоряченные, иногда нетрезвые, и — главное — играли на мелок, на слово, в долг... По правилам клуба денежные ставки не принято было выкладывать на стол. Благородное слово благородного человека ценилось как золото: проиграл, через 7 дней — не уплатил, и фамилия такого вывешивалась, как раз около того места, где висят теперь цепи Пугачева — и человек погиб! Исключен из Английского клуба! Все двери такому человеку заперты — прощенья нет. И заведомый взяточник и неуличенный шулер не подадут такому руки...

Более ста лет существовал Английский клуб, основанный в Москве в восьмидесятых годах восемнадцатого столетия, закрытый Павлом I в 1796 году и вновь открытый после его смерти. Сперва в Москве он помещался в д. Гагариных, где теперь Ново-Екатерининская больница, потом после пожара 1812 г.

на том же Страстном бульваре, потом на Б. Дмитровке и, наконец, в 1831 г., в год свадьбы Пушкина, был переведен во дворец гр. Разумовской. И до сих пор уцелели еще упоминаемые Пушкиным «львы на воротах».

* * *

В печати не было истории этого интереснейшего дворца. Лишь в «Журнале Старшин» Английского клуба сказано, что здание это, принадлежащее ныне Московскому Английскому Клубу, воздвигнуто гр. Л. К. Разумовским еще до 1812 г.

Должно быть, на основании этого путеводитель по Москве, изд. М. и С. Сабашниковых, в 1917 году сообщает:

«Грандиозной архитектуры дом гр. Л. К. Разумовского на Тверской, ныне помещение Английского Клуба, построенный в 1812 — 14 годах».

Это неправда.